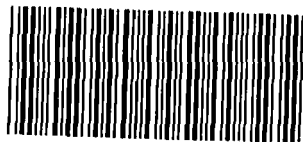

На правах рукописи

Кирсанов Ярослав Александрович

4852097

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕХНИКИ И ВЛАСТИ В КУЛЬТУРЕ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX-XXI вв.)**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

A stylized handwritten signature in black ink, consisting of several fluid, connected strokes.

Саратов 2011

Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Саратовский государственный
технический университет»

Научный руководитель –	доктор философских наук, профессор Волошинов Александр Викторович
Официальные оппоненты:	доктор философских наук, профессор Листвина Евгения Викторовна
	доктор социологических наук, профессор Свечников Владимир Серафимович
Ведущая организация –	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Защита состоится 29 июня 2011 года на заседании диссертационного совета ДМ 212.242.12 в Саратовском государственном техническом университете по адресу: 410054, Саратов, ул. Политехническая, 77, Саратовский государственный технический университет, корп. 1, ауд. 319.

С диссертацией можно ознакомиться в научно-технической библиотеке Саратовского государственного технического университета.

Автореферат разослан « » мая 2011 г.

Автореферат размещен на сайте Саратовского государственного технического университета www.sstu.ru « » мая 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ососкова Н.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Взаимодействие техники и власти является фундаментальной проблемой техногенного общества XX-XXI вв. Актуальность избранной темы обусловлена бурным развитием техногенной цивилизации и, соответственно, широким внедрением передовых технологий в политической и военной сферах. Именно в XX столетии техника взаимодействует с практиками власти в беспрецедентных масштабах, с чем связана необычайная популярность машинной метафоры в дискурсе эпохи. Литературные тексты, манифесты и научные трактаты, обращающиеся к проблеме власти, часто используют машинные метафоры, описывая социо-политические процессы в технических терминах. Использование машинных метафор (государство-машина, человек-автомат, судебный механизм и т.д.) может выступать как инструментом критики механистической сущности технократических, тоталитарных режимов (дистопийная традиция), так и способом художественной репрезентации идеалов рациональности и эффективности (конструктивизм, НОТ, кибернетика), что говорит о ее универсальности и богатом культурном потенциале. Метафора машины органично объединяет два ключевых феномена культуры Нового Времени – феномен техники, с которой связан целый спектр проблем – социально-экономических, этических, философских и т.д., и феномен власти, неизменно остающийся одним из центральных объектов исследования в гуманитарном знании. Синтез упомянутых аспектов предполагает рассмотрение широкого пласта актуальных вопросов, связанных с универсальными понятиями свободы, насилия, прогресса и т.д. Являясь своего рода фетишем в культуре индустриального общества, образы техники в качестве субъекта/объекта властных практик переходят в дискурс постиндустриального общества, обогащаясь новыми коннотациями, что также свидетельствует о неизменной популярности и актуальности технической метафоры.

Заявленная проблематика получила всестороннее освещение в первую очередь в литературе. Именно литература воплощает многогранность и сложность социокультурной динамики техногенной цивилизации. Являясь проекцией культуры, художественная литература наиболее ярко отражает фундаментальную смену парадигм: переход от индустриальной к постиндустриальной форме развития и, соответственно, изменения, произошедшие в характере взаимодействия власти и технологий.

Степень разработанности проблемы. В данном диссертационном исследовании автор опирается на целый ряд научных теорий, посвященных проблемам власти и техники, сформировавшихся в рамках различных направлений гуманитарного знания, таких как философия, культурология, социология, психоанализ.

Прежде всего, необходимо обозначить основные подходы к феномену власти в научной литературе Нового Времени, используемые в данном диссертационном исследовании.

Так, в рамках европейского либерализма (трактатах Джона Локка, Томаса Гоббса, Адама Смита и др.) были сформированы рационалистические взгляды на природу, источники и функции власти. Идеалистическая концепция власти была разработана Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем (власть как проявление ступени объективного духа). В теории Карла Маркса акценты смещаются на исследование политической власти, определяемой материально-производственными отношениями. Типология власти в обществе детально проанализирована в трудах Макса Вебера, Джона Гэлбрейта, Александра Кожева и Стивена Льюкса. Механизмы власти и управления массами разработаны в сочинениях Элиаса Канетти. Неклассические философские версии власти представлены теориями Фридриха Ницше, Мартина Хайдеггера и Мишеля Фуко. Символический аспект власти проанализирован в теории Пьера Бурдьё.

Изучение истории и сущности техники в XIX в. было предпринято в рамках антропологии, в работах К. Маркса и Э. Каппа. Э. Капп, опубликовавший в 1877 г. монографию «Основы философии техники», стал основателем философии техники, получившей необычайное распространение во второй половине XX столетия. При рассмотрении философии техники английский исследователь К. Митчем выделяет в ней две основные традиции, представляющие различные подходы к феномену техники: инженерную и гуманитарную. Соответственно, первую традицию представляют ученые-инженеры, а вторую – гуманитарии: философы, социологи, антропологи и др. Среди основных мыслителей инженерной философии техники первой половины XX в. можно выделить П. Энгельмейера и Ф. Дессауэра. С 50-х гг. XX в. формируется мощное направление инженерной философии техники, представленное немецкими учеными Ф. Раппом, Г. Рополем, Х. Закссе, Х. Ленком, А. Хунингом, Х Шторком и др.

Проблема тоталитарной сущности техники и ее критика были заявлены и разработаны в рамках гуманитарной философии техники, в трудах О. Шпенглера «Человек и техника» (1931), Л. Мэмфорда «Техника и цивилизация» (1934), «Миф о машине» (1969-70), Х. Ортеги-и-Гассета «Размышления о технике» (1939), М. Хайдеггера «Вопрос о технике» (1954 г), Ж. Эллюля «Техника» (1954) и др. Социальная критика техники как феномена культуры индустриального общества характерна для марксистской традиции: она заявлена в работах представителей Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер и Т. Адорно «Диалектика Просвещения» (1947), Г. Маркузе «Одномерный человек» (1964),

Ю. Хабермас «Техника и наука как идеология» (1968), в трудах М. Маклюэна, Р. Рихте, Э. Дусселя и др.). Ученые данного направления сформировали теоретико-философскую базу антитехнического воззрения в культуре XX-го столетия. Именно Л. Мэзфорд вводит в культурологический дискурс понятие «мифа о машине». Среди современных критиков техники необходимо отметить американского социолога Нила Постмана с его работой «Технополия: подчинение культуры технологиям» (1992), в которой он развивает концепцию «технополии» – современного общества, тотально детерминированного технологиями. Постман во многом продолжал идеи, сформированные в рамках гуманитарного направления философии техники, делая акцент на социокультурном анализе медийных технологий.

Взаимодействию техники и власти посвящен труд Э. Тоффлера «Метаморфозы власти» (1990) и поздние работы Ж. Делёза, например, «POST SCRIPTUM к обществам контроля» (1990); постмодернистское прочтение взаимодействия техники и власти в постиндустриальном мире представлено в теории американского антрополога, основательницы киберфеминизма Д. Харавей с ее работой «Обезьяны, киборги и женщины» (1991). Взаимосвязь политики и техники проанализирована в работах политолога Л. Уиннера «Имеют ли артефакты политическую силу?» (1980), и «Технология и демократия – технология в публичной сфере» (1997).

Следует отметить условность классификации подходов к феномену техники. Так, например, Ф. Рапп классифицирует подходы согласно «тенденциям»: технические науки (Дессауэр), экзистенциализм (Хайдеггер), социальная антропология (Гелен), «критическая теория Франкфуртской школы» (Маркузе, Хабермас). Некоторые исследователи в зависимости от специфики научной школы и ее методологии выделяют такие подходы как англо-американская аналитическая традиция, феноменологическая традиция, прагматическая, неотомистская, католическая, марксистская и т.д. В свою очередь, в соответствии с аспектом изучения объекта И.А. Негодаев выделяет в современной философии техники четыре основных направления: сциентистское, социологическое, антропологическое и религиозное. Подобная классификация, также как и предложенная Митчемом, представляется нам функциональной.

В последнее десятилетие философия техники активно развивается отечественными исследователями. Среди авторов, активно работающих в данной сфере, стоит отметить Н.Т. Абрамову, И.А. Негодаева, П.П. Гайденко, В.Г. Горохова, В.А. Кутырева, В.Н. Поруса, В.М. Розина, М.А.Розова, В.С. Степина.

Объект исследования. В качестве объекта исследования выступает западная литература Нового Времени, посвященная проблеме техники и власти.

Предметом исследования является репрезентация взаимодействия технических образов и властных практик в художественном дискурсе о технике, специфика интерпретации феномена техники в культуре индустриального и постиндустриального общества.

Материалом исследования послужила проза XIX-XXI вв., что обусловлено логоцентристским характером западной культуры, цивилизации «гутенберговой галактики» (термин М. Маклюэна), в рамках которой художественный текст приобретает доминантную функцию репрезентации реальности, фиксации и трансляции социокультурного опыта.

Цель и задачи исследования. Цель исследования состоит в выявлении властных коннотаций образов техники в художественной литературе дискурсах индустриального и постиндустриального общества.

Поставленная цель обуславливает решение следующих задач:

- определение взаимосвязи понятий «техника» и «власть» в индустриальном и постиндустриальном дискурсах;
- рассмотрение возникновения технических метафор (мир-часы, государство-машина, мир-компьютер) в западной культуре Нового Времени;
- изучение функционирования машинных метафор в художественных текстах, посвященных власти;
- исследование машинных образов в культуре индустриального и постиндустриального общества; анализ художественных текстов, в которых наиболее явно отражена властная маркированность техники;
- рассмотрение процесса эзотеризации техники в современной культуре;
- систематизация властных репрезентаций техники в литературе индустриального и постиндустриального общества.

Теоретико-методологической основой исследования послужили теории, сформулированные в работах Л. Мэмфорда, Э. Тоффлера, Ж. Делёза, Д. Харавей.

В основе диссертационного исследования лежат концепции, позволяющие провести комплексный анализ взаимодействия техники и власти в западной культуре, а также технической метафорике в художественном дискурсе:

- теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф и М. Джонсон, Р. Анкерсмит, Н. Арутюнова);
- волновые концепции развития общества (Д. Белл, Э. Тоффлер);
- концепция «мифа о машине» Л. Мэмфорда;

- критическая теория Франкфуртской школы;
- концепция киборга и «телесных трансгрессий» Д. Харавей;
- концепции взаимодействия эзотерического и рационального в современной культуре (Э. Дэвис, М. Дери).

При анализе используемого материала были применены различные научные методы:

- системно-структурный метод, основанный на обеспечении комплексности и широты охвата предмета исследования;
- историко-генетический, позволяющий последовательно раскрыть свойства, функции и изменения предмета исследования в процессе его исторического развития;
- сравнительно-исторический, позволяющий рассмотреть эволюцию изучаемых явлений во времени;
- метод контекстуального анализа, предполагающий описание функционирования образов и мотивов в контексте, а также сопоставление контекстов в синхроническом и диахроническом аспектах.

Научная новизна заключается в следующем:

1. Впервые выявлена проблема соотношения и взаимодействия техники и власти в индустриальной и постиндустриальной культуре, ее диахроническое развитие, а также отражение данного взаимодействия в художественном дискурсе.

2. Впервые проанализированы базовые художественные мотивы, связанные с техникой и властью, присущие культуре Нового Времени.

3. Произведен культурологический анализ художественных текстов с целью выявления властных коннотаций техники, а также машинной метафоричности, связанной с практиками власти.

4. Выявлена специфика интерпретации механицистской традиции, характерная для текстов культуры индустриального и постиндустриального общества.

5. Произведен анализ взаимодействия архаической (эзотерической) и новоевропейской (рационалистической) традиций в интерпретации постиндустриальной техники.

6. Осуществлена систематизация властных репрезентаций машинных образов в культуре Нового Времени.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Техника является одним из центральных феноменов современной европейской культуры, и потому имеет серьезную значимость в рамках культурологического знания. Вслед за Льюисом Мэмфордом целесообразно говорить о «мифе машины», и, соответственно, о мифологизации феномена техники, о ее символическом характере, проявляющемся в дискурсивных практиках Нового Времени. На наш взгляд, изучение символических интерпретаций техники в дискурсах

современной культуры (в данной диссертационной работе это восприятие техники через призму властных отношений) является актуальным и плодотворным направлением в русле современной культурологии. Исследования в данной области представляются перспективными и требующими дальнейшего развития. Рассмотрение и компаративный анализ интерпретаций техники в индустриальном и постиндустриальном обществе, в свою очередь, является продуктивной областью исследований в контексте современного развития информационных технологий и перехода европейского общества в новую, постиндустриальную стадию развития.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов исследования в преподавании курсов социально-гуманитарного профиля (философия техники, социальная философия, культурология, эстетика).

В результате проведенного исследования были сделаны выводы, которые сформулированы в *положениях, выносимых на защиту*:

1. В основе западной культуры Нового Времени лежат концептуальные метафоры, имеющие техноморфный характер: мир-часы и мир-компьютер. Данные метафоры определяют то, каким образом в художественном дискурсе представлены человек, государство и общество, и (на что делается основной акцент в диссертационном исследовании) как изображается взаимодействие техники и власти.

2. Специфика технических артефактов, функционирующих в качестве вспомогательного субъекта концептуальных метафор, влияет на характер репрезентации техники и власти в культурах, в основе которых лежат данные метафоры. Архетип индустриальной культуры – часы – является воплощением детерминистской модели мироздания, метафорой рационалистической вселенной, в которой человек, государство и общество функционируют по аналогии с часовым механизмом. Соответственно, господствующий тип власти в культуре индустриального общества – *иерархическая* власть в форме бюрократии и тоталитаризма. В литературе это отражается в развитии дистопийного жанра, зачастую экстраполирующего машинные образы на социальные структуры. Технические метафоры информационной эпохи – Компьютер и Сеть также отражают глобальные процессы, происходящие в культуре постиндустриального общества, в частности кризис иерархических структур и переход к *сетевым, децентрализованным* моделям. Метафоры мир-компьютер и мир-сеть (ризомы) воплощают в себе принципы постмодернистской вселенной.

3. На этапе индустриального развития общества техника напрямую взаимодействует с практиками власти, становится субъектом и объектом, а также моделью властных отношений в обществе. Это обусловлено

экономическим и научно-техническим детерминизмом, характерным для индустриального развития. В XX в. с переходом к развитому индустриальному обществу техника и институциональная власть сливаются в единый комплекс, техноструктуру, в отношении которой удачно используется машинная метафорика механицизма. Формирование техноструктуры укрепляет влияние техники на человеческую жизнь, изменяет ее восприятие западным человеком.

4. Процесс технизации культуры получает художественное воплощение в литературе. Закономерности развития техники индустриального и постиндустриального общества, а также взаимодействия техники и власти на каждом из этапов символически интерпретируются в рамках романтической и дистопийной традиций, условно выделяемых в художественном дискурсе о технике (литература индустриального общества), а также в культуре киберпанка (литература постиндустриального общества). Каждая из традиций художественного дискурса имеет свою специфику в интерпретации техники и отдельных технических артефактов, что способствует усложнению и обогащению образов техники в западной культуре. В интерпретации соотношения техники и власти, характерной для индустриального дискурса, можно выделить две основные тенденции:

- техника, машины обретают символические смыслы, связанные с проблемой власти (как, например, в произведениях романтиков или новелле Кафки «В исправительной колонии», в которой «реальный» пыточный аппарат становится овеществленной метафорой властной системы);

- образ машины проецируется на социальную структуру (зачастую тоталитарную систему).

5. Репрезентация постиндустриальной техники усложняется, и можно наблюдать следующие тенденции:

- *виртуализация*: Облик машин приобретает виртуальный, символический характер (машина как программный код, «бесплотный» искусственный разум), а также нивелируется, «растворяется» в силу миниатюризации (чипы, нанороботы);

- *биоморфизм*: Машины имитируют натуральные формы и материалы; составляют симбиоз с органическими формами, снимая различие живого и искусственного (био- и нанотехнологии, геновая инженерия, имплантанты, протезирование).

Данные модели существенно расширяют сферу властных практик, в которые вовлекаются конкретные технологии и технические объекты. Существенное усложнение техники диктует расширение сферы властных отношений: тотальная пронизываемость социокультурного пространства для современных технологий (обеспеченная, в частности, всеобщей подключенностью к сети и широким использованием нанотехнологий)

предоставляет неограниченные возможности для контроля и моделирования человеческой телесности, идентичности и сознания.

6. В постиндустриальном дискурсе развивается тенденция эзотеризации техники, намеченная в индустриальной культуре. Однако если в индустриальной культуре эзотерическая интерпретация техники была зачастую методом критики техноцентристского мышления, то в постиндустриальной культуре эзотеризация – это постмодернистский синтез архаического и ультрасовременного, поиск нового мистического опыта посредством сверхсложной и потому «неземной»¹ техники. Сверхсложность информационных технологий также наделяет их магическим статусом.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в материалах научно-практических конференций:

– Всероссийская конференция молодых ученых «Филология и журналистика в начале XXI века», посвященная С.Л. Франку (апрель 2006 г.) – Саратов.

– Всероссийская научная конференция «Стратегии современного развития и управления общественными процессами» (декабрь 2006 г.) – Саратов.

– Всероссийская научная конференция «Системы и модели: границы интерпретаций» (ноябрь 2007 г.) – Томск.

– Международная научная конференция «Культура как предмет междисциплинарных исследований» (май 2008 г.) – Томск.

– Конференция «Агрессия: интерпретация культурных кодов» – Саратов (октябрь 2009 г.) – Саратов.

– III Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы развития непрерывного профессионального образования» (ноябрь 2009) – Нижний Новгород.

– Всероссийская научно-практическая конференция «Личность – Язык – Культура» (ноябрь 2009 г.) – Саратов.

– Всероссийская научная конференция «Структура и динамика культуры в контексте синергетической парадигмы» (ноябрь 2009 г.) – Саратов.

– IV Овсянниковская международная эстетическая конференция «Границы современной эстетики и новые стратегии интерпретации искусства» (ноябрь 2010) – Москва.

Структура работы обусловлена основными целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

¹ Дери Марк. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ, 2008. С. 19.

В работе также приводится список использованной литературы, включающий 260 работ отечественных и зарубежных авторов, и список источников (21 произведение отечественных и зарубежных авторов).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении даётся обоснование выбора темы и предмета исследования, формулируются его цели и задачи, перечисляются методы, определяются актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Феномены власти и техники, их взаимодействие в культуре»** состоит из пяти параграфов и посвящена рассмотрению понятийного аппарата исследования: терминов «машина», «техника» (параграф 1.1 *«Понятия «машина» и «техника», семантика и история происхождения терминов»*), «власть», «государство», тоталитаризм (параграф 1.2 *«Термин «власть», определения, смежные понятия»*). Была предпринята попытка продемонстрировать комплексный характер понятий, проследить закономерности развития интерпретаций техники и власти, а также корреляцию техники и властных практик в философских концепциях техники (параграф 1.3 *«Техника и власть: критика тоталитарной сущности техники в западной философии»*). В теоретической базе диссертационного исследования акцент делается на концепцию «мифа о машине» Льюиса Мэмфорда, которая, по мнению автора, наиболее аргументировано объясняет специфику интерпретации техники в индустриальном дискурсе. Согласно теории Л. Мэмфорда, власть имманентно присуща современной технике на различных уровнях: на глобальном уровне мегамашины (техногенной культуры), в сфере организации, управления и производства (промышленность, экономика, политика), на бытовом и психологическом уровнях (формы зависимости от технических средств в повседневности), в области мышления, познания и идеологии (рационализм, технократические теории). Машина предстает в виде субъекта и объекта властных отношений (машина автономно регулирует деятельность рабочего на производстве, машины используются инструментально: как механизмы подавления и уничтожения, наблюдения и контроля), в качестве материальных средств производства и концептуальной модели, в соответствии с которой человек организует различные формы деятельности. Л. Мэмфорд первым формулирует концепцию «мифа о машине» как мощной социо-культурной традиции восприятия техники, характерной для европейской цивилизации Нового Времени.

Помимо теории Л. Мэмфорда, в первой главе рассматриваются экзистенциалистские теории техники, повлиявшие на современную технофобную традицию в массовой культуре (работы Н. Бердяева, К. Ясперса, М. Хайдеггера) и концепции представителей Франкфуртской школы (Г. Маркузе), развивающие идеи Л. Мэмфорда. Особое место в

главе занимает обзор теории киберфеминизма как наиболее продуктивной для анализа постиндустриальной культуры.

Параграф 1.4 «Культура «индустриального» и «постиндустриального» общества: характер техники и власти на каждом из этапов развития» посвящен волновым концепциям развития общества, в частности теориям индустриального и постиндустриального этапов развития.

В параграфе 1.5 «Роль концептуальных метафор в культуре» приведен обзор теорий концептуальной метафоры (Дж. Лакофф и М. Джонсон, Н. Арутюнова, Р. Анкерсмит) в соответствии с которыми анализируются фундаментальные метафоры мира, лежащие в основе культур индустриального и постиндустриального общества – метафоры мир-часы (и производная от нее метафора государство-машина) и мир-компьютер. Данные метафоры определяют то, каким образом в научном и художественном дискурсе представлены человек, государство и общество, и (на что делается основной акцент в диссертационном исследовании) как изображается взаимодействие техники и власти. В соответствии с данными теориями в первой главе анализируется возникновение и развитие данных метафор в западной культуре.

Вторая глава «Взаимодействие техники и власти в индустриальной культуре» состоит из трех параграфов и посвящена анализу художественных текстов индустриального общества, затрагивающих проблему соотношения власти и техники, и интерпретирующих машины в терминах власти. В данной главе рассматриваются две традиции интерпретации техники в литературе: романтическая и дистопийная, каждая из которых имеет определенную специфику интерпретации механистической парадигмы.

Параграф 2.1 «Интерпретация механистической традиции и образов автоматов в романтизме» посвящен романтической традиции. Данная традиция интерпретации машин представлена анализом произведений Э.Т.А. Гофмана, Ч. Диккенса и А. Грина. В диссертационной работе прослеживается развитие романтической интерпретации машин, образов и механизмов власти над человеком. В романтическом дискурсе фигурируют образы машины-демона, машины-зверя и машины-человека. С развитием традиции наблюдается все большее уподобление машины человеку.

В текстах Э.Т.А. Гофмана машина становится олицетворением абсурдной логики обыденной жизни, эту традицию в XX столетии наследует экспрессионизм, являясь своеобразным возрождением романтического мировосприятия на рубеже веков. Деятельность ученого-механика воспринимается как грех, извращение природного, посягательство на привилегии Творца: эта идея наиболее ярко выражена в романе М. Шелли «Франкенштейн или современный Прометей» (1818), который является классическим примером романтической критики

научной проектной деятельности. Стоит отметить, что демонические автоматы Гофмана – пока лишь причудливые игрушки, обладающие для современников определенной экзотикой. Автоматы, унаследованные от абсолютистской игровой культуры XVIII в., обладали богатой символической нагрузкой, однако не имели существенного влияния на жизнь людей, не являлись «техникой» в общепринятом смысле. С широким внедрением техники в жизнь викторианцев, символическое изображение получают конкретные машинные образы: поезд, станки, паровые машины.

Ч. Диккенс изображает машинные объекты, имеющие реальное воздействие на человека (в отличие от автоматов Э.Т.А. Гофмана с их мистическим влиянием). Отличительная особенность машинных образов Диккенса – их уподобление животным, наделение их сверхъестественно мощной жизненной энергией. Это отличает их от безжизненных автоматов Гофмана. Диккенс также использует машинную метафорику в отношении времени, города, семьи. Просветительская традиция «мир как машина», воспринятая романтиками, получает у Диккенса новое, «промышленное» измерение.

А. Грин развивает и усложняет символическую интерпретацию машины, характерную для романтизма. Автомобиль Грина – не просто демоническое существо, но воплощение демонического в современном человеке, в техногенном мире он обретает человеческие черты, в то время как человек стремится уподобиться машине. Объектом романтической критики становится механическое мировоззрение и машинная эстетика, машинизирование реальности характерное для советского идеологического дискурса 1920-х гг.

Власть техники в романтизме – преимущественно мистическая власть над сознанием. Манифестация власти также осуществляется посредством агрессивного звукового воздействия и неконтролируемого, стремительного движения (в особенности у Грина). Очевидно, что репрессивная техника органично вписывается в романтический пантеон демонических существ. В этой традиции техника парадоксальным образом обретает статус не-мертвенности (машина не является живым существом, но и мертвой она фигурирует лишь в эффектной романтической риторике, таким образом, занимая промежуточное положение между двумя мирами). Также в романтической традиции можно проследить определенное развитие машинных образов: в раннем романтизме (у Гофмана) автоматы – кошунственная пародия на человека, не имеющая своей воли и души. Злая воля автоматов исходит от их создателей. Власть автоматов – преимущественно мистического характера: это обман чувств, наваждение, помрачение сознания. У Диккенса машины становятся дикими животными, обретают волю и душу. Они пугают своей автономностью, нечеловеческой силой и могуществом. Власть машины – преимущественно власть физического и материально-экономического характера (особенно в

романе «Тяжелые времена»). Неоромантизм синтезирует предшествующий опыт в соответствии с реалиями новой эпохи. Автомобиль Грина, с одной стороны, окончательно уподобляется человеку (что отражает тенденцию машинизирования духа и тела, характерную для 1920-х гг.), с другой – сохраняет некоторые черты автоматов раннего романтизма (машина как демоническое существо), а также обладает душой и волей (подобно машинам Диккенса). Власть автомобиля в рассказе – это власть не только над сознанием героя, но и над умами его современников, машина превращается в фактор, определяющий существование культуры.

Отдельно в диссертационной работе рассматривались принципы художественного использования метафоры машины власти: на материале новеллы Ф. Кафки «В исправительной колонии» и романа К. Кизи «Над кукушкиным гнездом». Данным механизмам использования технических метафор посвящен параграф 2.2 «Машина как метафора тоталитарной системы: способы художественного использования метафоры в тексте». Были выделены следующие принципы: принцип овеществления метафоры, т.е. буквального воплощения концепта (в тексте Кафки) и лингвистический принцип конструирования концептуальной метафоры в языковой картине мира героев (в тексте Кизи). В новелле Кафки машина обретает черты социального института, в романе Кизи наблюдается обратный процесс – машинная модель проецируется на социальный институт (как это происходит в большинстве дистопий). Машина коменданта у Кафки – буквально реализованная («перенапряженная») метафора, имеющая вневременной, символический характер. Фигура речи, понимаемая буквально, призвана обнажить абсурдность бытия и институциональных механизмов наказания в частности. На образе пыточной машины строится архитектоника всего текста. В тексте Кизи образ машины власти складывается на лингвистическом уровне, формируется из высказываний пациентов (Вождя Швабры, Хардинга и др.), на уровне тропов (сравнений и метафор), используемых в речи персонажей. Речь персонажей формирует специфическую языковую картину мира, оперирующую машинными концептами. Метафорический образ машины во многом напоминает печатный станок, что также может указывать на логоцентризм европейской культуры, юридической системы в частности. Метафора у Кизи в большей степени дискретна: в ней контаминируют образы часов и завода, Комбината. Комбинат – образ, олицетворяющий массовое производство, и, соответственно, может рассматриваться как символ общества потребления.

Каждое из произведений предлагает свой, отличный подход к проблеме механистичности тоталитарной системы. Роман К. Кизи в отличие от новеллы Кафки (имеющей вневременной характер) и антиутопий Замятина и Хаксли (экстраполирующих ирреальные события в будущее) имеет дело с современными ему феноменами западного общества. В свою очередь, метафора Кафки имеет больше символических

коннотаций, поскольку сюжет новеллы разворачивается вне определенной эпохи.

Дистопийная традиция рассматривается в параграфе 2.3 *«Антиутопии: машина как субъект власти, машина как модель и инструмент власти»* и представлена анализом текстов Э. М. Форстера, Е. Замятина и О. Хаксли. Антиутопии условно классифицировались на тексты, в которых техника являлась субъектом власти, и тексты, в которых машина функционировала в качестве модели тоталитарного управления и инструмента репрессий. В отличие от романтической традиции для антиутопий характерно системное изображение техники (машины как технический комплекс, структура). Антиутопии также расширяют сферу власти техники. В повести Форстера «Машина останавливается» машина предстает в качестве субъекта власти, и метафоры техногенной культуры в целом. В романе Е. Замятина «Мы» машина – метафора тоталитарного общества, модель, в соответствии с которой осуществляется социальное проектирование. Техника порождает дискурс о власти, тем самым, манифестируя свою власть над человеческим сознанием. Роман О. Хаксли «О дивный новый мир» развивает темы, заявленные в романе Замятина, расширяя сферу власти техники в обществе. Техника является субъектом материально-экономической власти, служит инструментом социального и биологического проектирования, а также является моделью технократического общества.

Третья глава *«Взаимодействие техники и власти в постиндустриальной культуре»* состоит из шести параграфов и посвящена анализу художественных текстов постиндустриального общества, затрагивающих проблему соотношения власти и техники (в основном произведения в жанрах киберпанка и посткиберпанка).

Параграф 3.1 *«Литература киберпанка как постиндустриальный дискурс о технике»* посвящена анализу данного литературного (и, шире, культурного) течения рубежа веков. Киберпанк в отличие от предыдущей литературной традиции – это сугубо технически детерминированная литература, что отражено в названии приставкой кибер-. Более того, именно с киберпанка художественные течения определяются характером изображаемых технологий (см. названия жанров посткиберпанка: стимпанк – мир технологий парового двигателя, дизельпанк – мир технологии дизельного двигателя внутреннего сгорания, нанопанк – мир нанотехнологий).

В параграфах 3.2, 3.3 и 3.5 рассматриваются ключевые для киберпанка постиндустриальные технологии, обладающие существенным властным потенциалом и получившие статус: технологии виртуальной реальности, искусственного интеллекта и киборгизации. В параграфе 3.2 *«Проблема виртуальной реальности, ее ключевая роль в постиндустриальной литературе»* рассматривается происхождение и развитие образов ВР-Матрицы в киберпанке и их культурное значение.

Изучается конкретное социокультурное и онтологическое воздействие виртуальной реальности на человека и властные отношения, в котором условно выделены 2 направления: 1) уничтожения границы между реальным и виртуальным мирами и 2) виртуализации телесности. Виртуальная реальность затрагивает один из главных вопросов философии, что первично – бытие или сознание. В мире киберпанка, где чувственный опыт воспроизводится путем технологических манипуляций с сознанием, категория реальности оказывается несостоятельной. Технологии виртуальной реальности затрагивают ряд онтологических вопросов: соотношения бытия и сознания, объективной реальности и симуляции, тела и духа, жизни и смерти. При этом виртуальная реальность как феномен постиндустриальной и постмодернистской культуры ставит под сомнение категорию реального, формируя релятивистскую, фрагментарную картину мира. Фиктивная, имитирующая технология «колонизирует» реальность, виртуализируя основные сферы человеческой деятельности. Виртуальный мир также порождает глобальную дихотомию тело-сознание, нивелируя физическую оболочку человека. Опыт подключения к Матрице аналогичен религиозному: технология дарит гарантированное «вознесение», слияние с идеальным миром идей по щелчку клавиши, в противовес бренному физическому существованию. Подобный техноспиритуализм ведет к отказу от жизни в физической реальности. Цифровой мир диктует отказ от существования в физической реальности в пользу бестелесных странствий по информационному пространству. Презрение к плоти, характерное для героев киберпанка, имеет параллели с традициями платонизма и гностицизма, трактующими физический мир как неподлинный и ущербный по отношению к совершенному миру идей. Однако в данном случае в качестве «подлинной» реальности духа выступает сгенерированная техникой иллюзия. Виртуальные технологии превращают человека в картезианского «призрака в машине», дух, томящийся в физической оболочке. Эзотерический дуализм (мир физический – мир идей) здесь объединяется с дуализмом Декарта (тело – душа), что окончательно разрушает целостность человеческой сущности, гармоничную связь человека и окружающего мира.

В связи с эзотерическим, спиритуалистским этосом киберпанка в диссертации рассматривается проблема искусственного интеллекта (параграф 3.3 *«Симбиоз магии и техники в литературе киберпанка: репрезентация искусственного интеллекта»*). Технологии искусственного разума и виртуальной реальности в киберпанке более всего связаны с различными эзотерическими и религиозными мотивами. Например, в трилогии Гибсона автономные программы, обитающие в Матрице, ассоциируются с лоа, божествами Вуду. В романе «Граф Ноль» жрец Вуду объясняет вселение духов в адептов религиозного культа, переводя процесс на язык компьютерных технологий: «программа» лоа, проникает в

«железо» тела. Христианский вариант «взлома человеческого железа» представлен в романе «Лавина» Нила Стивенсона: евангелистский феномен глоссолалии¹ трактуется как эффект проникновения программы-вируса в сознание человека, следствием которого является доступ к глубинным структурам человеческого мозга, отвечающим за говорение. Характерно, что применительно ко многим из искусственных разумов используется индуистский термин «аватара», как правило, применяемый для обозначения нисхождения божества из духовного мира в мир материальный: информационное пространство, Киберземля, в которой существуют искусственные разумы, является аналогом высших сфер, потусторонней, божественной реальности. Искусственные разумы характеризуются такими сверхъестественными качествами, как всезнание, всеприсутствие и непознаваемость. Эзотерическая традиция репрезентации технологии искусственного интеллекта во многом дает ключ к пониманию иррациональной природы власти технического в западном дискурсе о технике.

В параграфе 3.4 *«Техника-политика во вселенной киберпанка»* анализируется роль техники в политике. Во вселенной киберпанка технологии той или иной степени способствуют расколу в обществе и в мире, порождают борьбу за экономическое, военное и культурное превосходство. Стратификация происходит на различных уровнях: социальном, культурном, геополитическом. Новые технологии формируют социальные страты, касты, чье существование невозможно без технологического вмешательства в их организм. Появление новых технологий, в свою очередь, порождает новые фазы борьбы за власть как между отдельными людьми, элитами и корпорациями, так и между государствами. Постиндустриальная техника имеет амбивалентный характер: с одной стороны, делая пространство человека тотально пронизываемым, она объединяет мир в «глобальную деревню» (термин М. Маклюэна), с другой – техника выступает как фактор дробления человеческого сообщества: дисперсивность власти коррелирует с социокультурным, экономическим и геополитическим квантованием мира («расщепленный» мир «Схизматрицы» Б. Стерлинга и киберпанка в целом), что в очередной раз свидетельствует о кризисе иерархий в постиндустриальном мире. Техника обретает ярко выраженный политический характер: взаимосвязь политики и технологий, несомненно, присутствовала и в индустриальном дискурсе, однако именно постиндустриальный дискурс киберпанка однозначно формулирует идею «технологий, ставших политикой» (роман «Схизматрица») и именно в литературе киберпанка столь подробно анализируется использование техники в политической борьбе (роман «Река богов» Й. Макдональда).

¹ Сверхъестественное «говорение на языках», в пятидесятничестве – апостольский дар говорить на множестве неизвестных языков, нисходящий на адептов по Божьей Воле.

Параграф 3.5 *«Проблема киборгизации в постиндустриальной культуре: киборгизация как власть технического над органическим»* посвящен технологиям киборгизации в дискурсе киберпанка. Образ киборга становится, пожалуй, одним из самых влиятельных технических образов в западной культуре. Уже в 1970-е гг. киборги фигурируют в сериалах (Star Trek), комиксах (антология «Изумительные истории» издательства «Марвелл») и литературе (произведения А. Азимова и Ф. Дика). Однако окончательное закрепление образ получает в 80-е гг. благодаря культуре киберпанка, прежде всего кинематографу – фильмам «Бегущий по лезвию бритвы» (1982), «Терминатор» (1984) и «Робокоп» (1987).

В киберпанке киборгизация становится технологией, получившей идеологический и философский статус. Технология киборгизации, изображаемая в литературе киберпанка, непосредственно связана с интересующей нас проблемой соотношения техники и власти. Как показано в параграфе 3.5, новые технологии формируют социальные страты, существование которых невозможно без технологического вмешательства в организм. Технологии слияния человеческой плоти и техники (вживление протезов, имплантантов, биохимия и т.д.) делает героев более конкурентоспособными в битве за власть. Однако герои становятся зависимыми от корпораций-производителей кибернетической продукции, продавцов, медиков, клиентов, становясь жертвами «техноколонизации тела» (термин Эндрю Росса). Герои-киборги во вселенной киберпанка – это товары в контексте рыночных отношений, чья цена зависит от качества составных частей тела и эффективности. Погоня героев за постоянными модификациями собственного тела – это зловещая, антиутопическая карикатура на западный консьюмеризм; тело теряет индивидуальность и человеческий облик, нивелируясь до совокупности механизмов и брендов. Технология киборгизации (как и все новые технологии в целом) также усиливает расслоение общества, поскольку доступ к биомедицинским технологиям имеют лишь материально обеспеченные люди. Киборгизация в мире киберпанка – своего рода наркотическая зависимость; герои попадают в замкнутый круг: для того, чтобы достичь благосостояния – нужны новые свертехнологичные модификации тела, для осуществления которых необходим ряд мелких операций, позволяющих обрести навыки для заработка на дорогостоящую операцию.

Пользуясь терминологией Донны Харавей и ее последователей (в частности Энн Бальзамо), можно также говорить о том, что технологии киборгизации порождают так называемые «телесные трансгрессии», т. е. «неестественные действия, вынуждающие нас пересмотреть наши взгляды на секс, пол и человеческую природу»¹. Модификации тела кардинально трансформируют категории гендера, пола, возраста.

¹ Balsamo A. Feminism and Cultural Studies // Journal of the Midwest Modern Language Association. 24. № 1. Spring 1991. P. 65.

Технология киборгизации затрагивает наиболее актуальную и популярную проблематику в современном гуманитарном знании – проблематику человеческой телесности как объекта социокультурного анализа. Феномен киборга модифицирует как биологические, так и социокультурные характеристики человека; меняются социальная динамика и взаимосвязи телесной культуры общества с другими подсистемами культуры (экономической, нравственной, эстетической и др.). В аспекте рассматриваемой проблемы (взаимодействия техники и власти) технология киборгизации осуществляет «техноколониализацию тела», т.е. подчинение индивида в рамках властных отношений путем непосредственно хирургического проникновения в тело. Власть, таким образом, приобретает максимально интимный характер, буквально проникая под кожу человека.

В параграфе 3.6 *«Нанотехнологии и новые аспекты власти в постиндустриальной культуре»* рассматриваются нанотехнологии и их взаимосвязь с новыми аспектами власти в постиндустриальной культуре. Нанотехнологии, оперирующие материей на молекулярном уровне, становятся мощным инструментом в сфере властных отношений. Во вселенной киберпанка благодаря технологиям наносборки мир становится тотально пронизаем: на микроскопическом уровне постоянно идет невидимая война конкурирующих общин. Как и в случае киборгианских технологий, власть приобретает максимально интимный характер, буквально проникая в человеческий организм. Промышленный шпионаж, полицейский надзор, сфера исполнения наказаний – вот далеко не полный список применения нанороботов в сфере властных отношений.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования и формулируются основные выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

В изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Кирсанов Я.А. Метафора машины власти в трактате Т. Гоббса «Левинафан»: механицистская и абсолютистская традиции дискурса / Я.А. Кирсанов // Вестник Челябинского государственного университета. Философия, социология, культурология. – Вып. 9. – № 32 (133). – 2008. – С. 142-146.

2. Кирсанов Я.А. Постиндустриальная культура: погружение в виртуальную реальность / А.В. Волошинов, Я.А. Кирсанов // Обсерватория культуры. Научно-теоретический журнал. – № 3. – 2010. – С. 24-32.

В других изданиях

3. Кирсанов Я.А. Просветительский миф о «мировой машине» и его интерпретация в романтическом дискурсе (на материале новелл Э.Т.А. Гофмана) / Я.А. Кирсанов // Миф архаический и миф гуманитарный: Интерпретация культурных кодов: 2006 / сост. и общ. ред. В.Ю. Михайлина. – Саратов: СПб.: ЛИСКА, 2006. – С. 117-128.

4. Кирсанов Я.А. Экспрессионистская интерпретация машины (на материале новеллы В. Кафки «В исправительной колонии») / Я.А. Кирсанов // Стратегии современного развития и управления общественными процессами. – Саратов: Научная книга, 2007. – С. 162-166.

5. Кирсанов Я.А. Мир как машина: маркиз де Сад и «Осиная фабрика» И. Бэнкса-развитие традиции / Я.А. Кирсанов // Перспективы общественного развития в эпоху столкновения цивилизаций. Ч. 1. – Саратов: Научная книга, 2007. – С. 183-189.

6. Кирсанов Я.А. Техноэротизм и агрессия в индустриальной культуре: фильм С. Цукамoto «Тэцуо-железный человек» / Я.А. Кирсанов // Агрессия: интерпретация культурных кодов. – Саратов, СПб.: ЛИСКА, 2010. – С. 71-78.

7. Кирсанов Я.А. Технологии web 2.0 как инструмент образования в постиндустриальной культуре / Я.А. Кирсанов // Проблемы развития непрерывного профессионального образования: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. – Н.Новгород: ВГИПУ, 2009. – С. 11-14.

8. Кирсанов Я.А. Киберфеминистский дискурс о технике. Гендерно-ориентированный анализ постиндустриальной культуры / Я.А. Кирсанов // Личность – Язык – Культура: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., 25-26 ноября 2009 г. – Саратов: ООО Изд. Центр «Наука», 2010. – С. 446-451.

9. Кирсанов Я.А. Эзотерическая традиция репрезентации цифровых технологий в постиндустриальной культуре / Я.А. Кирсанов // Цивилизация и человек. Научно-образовательный журнал. – 2010. – № 1. – С. 59-62.

10. Кирсанов Я.А. Симбиоз магии и техники в культуре киберпанка: архаическая традиция репрезентации цифровой реальности / А.В. Волошинов, Я.А. Кирсанов // Границы современной эстетики и новые стратегии интерпретации искусства: материалы IV Овсянниковской Междунар. эстетической конф., 23-24.11.2010 / МГУ имени М.В. Ломоносова. – М.: МИЭЭ, 2010. – С. 126-129.

Подписано в печать 18.05.11

Бум. офсет.

Тираж 100 экз.

Усл. печ. л. 1,16 (1,25)

Заказ 96

Формат 60×84 1/16

Уч.-изд. л. 1,0

Бесплатно

Саратовский государственный технический университет

410054, Саратов, Политехническая ул., 77

Отпечатано в Издательстве СГТУ. 410054, Саратов, Политехническая ул., 77

Тел.: 24-95-70; 99-87-39, e-mail: izdat@sstu.ru